

⁶ Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. С. 97.

⁷ Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев, 1953. Т. 2. С. 341.

А. А. КОЖИНОВА

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ОСВОЕНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ТЕКСТА СЛАВЯНСКОЙ ПРОПОВЕДЬЮ

Каждый принявший христианство народ осваивает Слово Божие. Кирилл Туровский в одной из своих проповедей писал: *земля же естъства нашего акы съмя слово божие примми и страхомъ его присно болящи духъ спасения ражаетъ* (Кир. Тур., 21)⁴. Освоение Священного писания, его творческое приятие вело не к механическому цитированию, но к работе над избранной цитатой, не к введению, но вживлению ее в создаваемый текст.

Среди принципов такой работы для славянских книжников в первую очередь следуют назвать перевод. Отношение цитат к первоисточнику в переводных славянских текстах, например, таких, как жития и гомилии Супрасльского сборника, неоднозначно и сложно. Сложно прежде всего потому, что в этом случае первоисточников будет несколько: во-первых, сам греческий текст оригинала и одна из редакций греческого текста Священного писания, во-вторых, уже существующий перевод Священного писания на старославянский язык. О цитатах упомянутого Супрасльского сборника еще В. Вондрак высказал мнение, что они наново переводились со всем текстом сборника, а не списывались с уже существующих переводов Евангелия², и, добавим, во многих случаях и не сверялись с ними. Это видно хотя бы на примере очень характерной цитаты, которая должна была быть известна каждому богослову — слов Благовещенья Богородицы (Лк. 1, 38). В Остромировом Евангелии они приводятся как *радоуи ся благодатьная господь съ тобою* (Остр., 269 об.), в Супрасльском же сборнике — *радоуи ся обрадованая господь съ тобою* (Супр. 250—251), что полностью соответствует его греческому оригиналу.

Итак, второй принцип освоения текста Священного писания — это его изменение по сравнению с существующим каноном. Изменение может затрагивать один или несколько элементов и обуславливаться различными причинами. В данном случае изменение текста обусловлено применением приема параллелизма, выражающегося здесь в совпадении корневых формантов. Прием широко использовался древними авторами (подробнее об этом см., например, работу Р. О. Якобсона³). Этот вариант стиха Лк. 1, 38, предложенный греческим автором проповеди «На Благовещенье Богородицы» Супрасльского сборника (о том, что он является исключительно чертой этой проповеди, упоминает Л. Мошинский⁴), охотно заимствовался славянскими книжниками. Его можно встретить у Климента Охридского — *радуися о възрадованая господь с тобою* (Кл. Охр., 1, 183); у Кирилла Туровского — *радуися обрадованая с тобою господь* (Кир. Тур., 26). У этих же авторов можно найти следующие сходные фрагменты, различающиеся буквально отдельными лексемами: *и паки приде съ небесе въ славѣ божество своего судити хотя всѣмъ и вздати комуждо по дѣломъ его* (Кл. Охр., 2, 273); *тои паки придетъ въ славѣ своего божества судити всему миру и вздать комуждо противу дѣломъ его* (Кир. Тур., 51). Как видно, основное различие между этими цитатами касается лишь выражения объекта при глаголе *судити*.

Можно встретить и примеры изменения грамматического строения фрагмента: перестройки его грамматической конструкции по типу конверсива: *но ктоже свое время понесеть и приметъ мьзду противу дѣломъ вашимъ* (Кл. Охр., 2, 677); ср. также: *но вси равно предстанемъ раби свободни нищии и богатии кождо противу трудоу своимъ мьзду приемлюще* (Кл. Охр., 2, 676).

Употребление этой цитаты не ограничивается названными авторами. С некоторыми изменениями ее можно встретить в Супрасльском сборнике — *прити бо имать на облацѣхъ небескихъ въ славѣ отца своего и святыихъ аггелъ и архаггелъ и оуже оуготовьено отъдати комоуждо чловѣку по дѣломъ его* (Супр., 259); у Илариона, митрополита Киевского — *ему же мертвыи гласомъ архаггельскѣмъ противу изидуть и тѣ имать судити живымъ и мертвымъ и въздати комуждо по дѣломъ* (Илар., 175).

Все эти фрагменты являются результатом действия третьего принципа освоения текста Священного писания, который проявляется в том, что авторы свободно совмещают стихи, не связанные между собою в каноническом тексте, в данном случае — Мф. 16, 25 и I Пет. 4, 5. Стих Мф. 16, 25 может связываться и с другими стихами:

Мф. 25, 32 — *тогда разлучить я господь другъ отъ друга и въздати комуждо противу дѣломъ яко же пастухъ отлучаетъ овци отъ козлищъ* (Кл. Охр., 2, 676);

Мф. 7, 2 — *въ няже мѣроу мѣрите рече господь намѣрится вамъ си речъ комоуждо противоу дѣломъ* (Кл. Охр., 1, 643);

Ин. 14, 2 — *многи бо обители рече в дому отца моего суть раздѣляемы комуждо противоу дѣломъ* (Кл. Охр., 2, 273);

I Пет. 4, 5 и Ин. 5, 22 — *и пакы придетъ тѣмъ же образомъ соудити хотя живымъ и мертвымъ и въздасть комуждо по дѣломъ его тому бо дасть отецъ соудъ имѣти надо всѣми* (Кл. Охр., 1, 618).

В случае подобного соединения стихов каждый из них по отношению к другому является своего рода толкованием, экзегезой, средством смыслового расширения, а также доказательством понимания священного текста самим автором. В пределах таких цитат устанавливаются свои текстовые связи и зависимости. Так, в Мф. 16, 25 под влиянием стиха Мф. 7, 2 форма *въздасть* заменяется формой *намѣрится*, а под влиянием стиха Ин. 14, 2 — формой *раздѣляемы*.

Из всех отмеченных соединений чаще всего встречается именно соединение стихов Мф. 16, 25 и I Пет. 4, 5, например, в творениях Климента Охридского — 12 раз. Отдельно же стих Мф. 16, 25 употребляется гораздо реже, он встретился у Климента Охридского — *господь же прииде и всѣмъ отасть по дѣломъ* (Кл. Охр., 1, 106); в Рильских глаголических листках — *егда же поидетъ христосъ отдати хотя комуждо по дѣломъ его* (Рыльск., 2); в Македонском глаголическом листке — *егда же приидетъ господь отдати хотя комуждо по дѣломъ его* (Макед., 6).

Чаще же идея суда, заключающаяся в I Пет. 4, 5, все равно присутствует, проявляясь хотя бы в именовании субъекта: *оузрите вы будущая вамъ отъ правдывааго судия исоуса христа иже отъдасть комуждо по дѣломъ своимъ* (Супр., 108).

Начало этому соединению, как представляется, положено Символом веры, принятым на Никейском соборе в 325 г. Однако в нем была использована лишь часть стиха Мф. 16, 25, поскольку добавляемый стих I Пет. 4, 5, по сути дела, восполняет смысл опущенной части. В чистом виде Символ веры представлен в следующем фрагменте — *пакы хотя прити въ славѣ божьства своего соудити живымъ и мъртвымъ* (Кл. Охр., 1, 596). Однако в проповедях, как видно из приведенных примеров, стих был восстановлен, наличествующая часть притянула утраченную. В результате этого во фрагменте возникает параллелизм, столь любимый древними авторами, и смысл, содержащийся в стихе *соудити живымъ и мъртвымъ*, становится более выразительным за счет дублирования его во фрагменте *въздати комуждо противу дѣломъ его*.

Выше говорилось, что соединение стихов Священного писания можно представить как своего рода взаимную экзегезу. Но вживление чужого слова в текст сопровождается и своим толкованием. Это можно назвать четвертым принципом введения цитаты в текст, освоения ее текстом. У Климента Охридского встречаем — *егда придетъ сынъ божии во славѣ*

своего божества соудити хотя живымъ живи же соуть праведници тѣхъ доуюю въ роуку божию соуть и не имать коснутися ихъ моука а мъртвыи мѣнить грѣшныи иже жития сего сластьми оудавишася и повинныи моуцѣ створишася⁵ да того ради грядеть с небесе обоимъ хотя воздати противоу дѣломъ (Кл. Охр., 1, 643).

В текстах встречается и иное отношение собственных слов к цитате: они поддерживают ее связь с текстом, являются по отношению к ней не послесловием, а предсказанием. Так, у Кирилла Туровского в «Слове на Вознесение» после повествования о страстях господних и о сошествии в ад говорится: *по всѣхъ бо в телеси падшихъ прелестью змия тою же плотью пострада исусъ а по дѣломъ всѣмъ в последнии день комуждо въздасть егда придетъ судити всему миру* (Кир. Тур., 51). Во фрагменте из Климента Охридского: *благословенъ грядиши во имя господне очистити истинныхъ постникъ и въздати имъ почести противоу троудомъ ихъ* (Кл. Охр., 2, 301) подобным средством связи с авторским текстом служит лексема *постникъ*: это фрагмент из обширного цикла постных поучений.

Строящийся на основе евангельской цитаты собственный текст не всегда может быть толкованием, вводящим цитату в текст. Может наблюдаться и обратный процесс, когда средством связи с текстом будет именно цитата. Такую функцию, например, выполняют уже упоминавшиеся слова Благовещенья Богородицы в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Сначала говорится о том, что князь Владимир воздвиг церковь во имя праздника святого Благовещения, чтобы слова архангела к Деве относились и к городу, после добавляется: *къ онои бо радуса обрадованаа господь с тобою къ градуу же радоуися благовѣрныи граде господь с тобою* (Илар., 168—169).

Пятый принцип взаимодействия цитаты и текста можно определить как принцип распределения. Под этим понимается связь цитаты с текстом определенной темы или определенного жанра. Зависимость, которая здесь наблюдается, скорее, односторонняя. В некоторых текстах, чаще всего в проповедях на основные праздники, обязательно будут присутствовать цитаты из полагающихся евангельских чтений. Так, например, в проповеди на Вербное воскресение будет стих Мф. 21, 9 (Мк. 11, 9—10; Лк. 19, 38; Ин. 12, 13) — *осанна въ вышнихъ благословенъ грядиши въ имя господьне* (Супр., 332) (ср. также в «Словах на Вербницу» Климента Охридского (Кл. Охр., 594, 1) и Кирилла Туровского (Кир. Тур., 19); в проповеди на Благовещение — упоминавшаяся уже цитата из Евангелия от Луки (Лк. 1, 38). Но эти же отрывки могут быть использованы и в проповедях на другую тему. Стих Мф. 21, 9 Климент Охридский использовал в проповеди постного цикла (см. выше Кл. Охр. 2, 301) и в «Похвальном слове на Лазарево воскресение» — *осана въ вышнихъ благословенъ грядиши въ имя господьне* (Кл. Охр., 2, 839). Стих Лк. 1, 38 Кирилл Туровский использовал в «Похвале Иосифу» (Кир. Тур., 26), а Иларион — в «Слове о Законе и Благодати».

В статье рассмотрены лишь некоторые принципы преобразования текста Священного писания на примере нескольких евангельских стихов (Мф. 7, 2; Мф. 16, 25; Мф. 21, 9; Лк. 1, 38; Ин. 14, 2; Ин. 5, 25; I Пет. 4, 5). Но представляется, что подобным образом использовались славянскими книжниками и другие стихи из Ветхого и Нового Завета, т. е. их обработка и изменение не выходили за рамки, очерченные в данной статье. Вольность в обращении автора с текстом «первоисточника» проявлялась в том, что евангельский отрывок не был привязан тематически, мог свободно соединяться с другими отрывками по произволу пишущего, снабжаться толкованием, основанным на его собственных богословских взглядах, могла изменяться его лексическая и грамматическая структура. Но это все лишь до того момента, пока оставалась возможность воспринять его в тексте именно как цитату, хотя он и не всегда сопровождался соответствующим указанием, столь необходимым для цитаты в текстах нового времени.

¹ По техническим причинам оригинальное написание подверглось следующим преобразованиям: титла раскрыты, выносные буквы внесены в строку, *юс* малый и *а* иотованное заменены буквой *я*, *юс* большой буквой *у*; *е* и *а* иотованные — буквами *е* и *а* соответственно, *омега* — буквой *о*, все виды *и* приводятся одинаково как *и* восьмеричное.

² Von d r ä k W. *Altslovenische Studien // Sitzungsberichte der Philosophisch — historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Wien, 1890. T. 122. № VII.

³ Я к о б с о н Р. *Работы по поэтике*. М., 1987.

⁴ M o s z y ŋ s k i L. *Cytaty ewangelijne w tekście Kodeksu Supraskiego // Проучвания върху Супрасълския сборник*. София, 1980. С. 49.

⁵ Здесь следует обратить внимание на образовавшийся гомеотелевт, который на основании фонетического созвучия уравнивает смысловое наполнение обеих конструкций.

Сокращения

Илар.— Иларион, митрополит Киевский // *Slavia*. Roč. 32. S. 2.

Макед.— Македонский глаголический листок // Ильинский Г. А. *Македонский глаголический листок, отрывок глаголического текста Ефрема Сирина XI века*. Спб., 1909.

Кир. Тур.— Кирилл Туровский // *Рукописи графа А. С. Уварова*. Спб., 1858. Т. 2.

Кл. Охр. 1, 2 — Охридский Климент. *Събрани съчинения*. София, 1970. Т. 1; 1977. Т. 2.

Остр.— Остромирово Евангелие 1056—1057. Л.; М., 1988.

Рыльск.— Рыльские глаголические листки // Гошев И. *Рилски глаголически листове*. София, 1956.

Супр.— Супрасълский сборник // *Супрасълски или Ретков сборник*. София, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2.

С. В. ШЛЕПАКОВ

ПРАГМАТИКА УСТНОГО БЫТОВОГО РАССКАЗА

В лингвистике текста все больше утверждается подход, выходящий за рамки имманентного анализа речевых произведений и обращающийся к их внешнему, экстралингвистическому аспекту. В частности, одной из существенных сторон, определяющих композиционно-лингвистические особенности речевых образований, является их телеологическая характеристика. Знание цели речевого акта позволяет глубже проникнуть в его структуру и проследить связь этой структуры с конкретными коммуникативными интенциями. Обобщающий анализ целей речевых произведений имеет смысл проводить на основе типичных коммуникативных ситуаций, порождающих различные речевые жанры, или «относительно устойчивые формы построения целого»¹. В настоящей статье мы кратко рассмотрим интенциональные характеристики одного из жанров разговорной речи — **устного бытового рассказа**, представляющего собой спонтанное разговорное сюжетное повествование о нетривиальных бытовых ситуациях из личного опыта говорящих.

Типичная для жанра коммуникативная ситуация должна, очевидно, характеризоваться некоторым ограниченным числом интенциональных признаков, содержащихся в произведении в превращенной форме. Применительно к устному бытовому рассказу их выявление затруднено принципиально отличной от многих других разговорных жанров особенностью. Данная разновидность общения не опосредована какой-либо практической деятельностью собеседников (по крайней мере, напрямую не обуславливает такую деятельность), не имеет в качестве немедленного следствия внеречевого результата и референциальной основы в актуальной действительности в момент речи². Устный рассказ как непосредственное предметно-практической деятельностью субъект-субъектное речевое взаимодействие находится в стороне от решения важных практических задач, среда его «обитания» — неформальное межличностное общение в непроизводственной сфере, в располагающих для этого времени и обстановке. В силу указанных особенностей мы вряд ли сможем получить исчерпывающее представление о коммуникативных намерениях говорящих в ситуации устного рассказа. Коммуникативная интенция, не